

3. Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : в 2 т. – М. : Политиздат, 1976. – Т. 1 : Переписка с У. Черчиллем и К. Эттли. – 472 с.
4. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : сб. док. : в 6 т. – М. : Политиздат, 1984. – Т. 1 : Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 октября 1943 г.). – 384 с.
5. *Филитов, А. М.* Германия в советском внешнеполитическом планировании. 1941–1990 / А. М. Филитов. – М. : Наука, 2009. – 333 с.
6. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. : сб. док. : в 6 т. – М. : Политиздат, 1984. – Т. 4 : Крымская конференция руководителей трёх союзных держав – СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). – 302 с.
7. Великая Отечественная война 1941–1945 годов : в 12 т. – М. : Кучково поле, 2014. – Т. 8 : Внешняя политика и дипломатия Советского Союза в годы войны. – 864 с.
8. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны : док. и материалы. – М. : ОГИЗ ; Гос. изд-во полит. лит., 1947. – Т. 36 : 1 января – 3 сентября 1945 г. – 791 с.
9. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. : сб. док. – М. : Политиздат, 1984. – Т. 6 : Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (17 июля – 2 авг. 1945 г.). – 511 с.
10. *Семиряга, М. И.* Как мы управляли Германией / М. И. Семиряга. – М. : РОССПЭН, 1995. – 400 с.
11. *Чуев, Ф.* Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева / Ф. Чуев. – М. : ТЕРРА, 1991. – 623 с.

Л. С. Скрябина

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ НЕМЕЦКОЙ ОККУПАЦИИ 1941–1943 гг. (по материалам Добрушского района)

Несмотря на определенные успехи исследования различных аспектов немецкого оккупационного режима, изучение повседневной жизни населения во время оккупации остается одной из важных задач белорусской исторической науки. Научный интерес к этой проблеме обусловлен тем, что на протяжении долгого времени существовал запрет на исследование общественного, социально-экономического, культурного положения Беларуси в период оккупации. В ограниченных рамках статьи невозможно осветить все направления повседневной истории. Поэтому обратим внимание только на некоторые ее аспекты.

19 августа 1941 г. немецкие войска ворвались в Добруш, а 23 августа вся территория современной Добрушчины оказалась в руках врага. Согласно административно-территориальному делению Беларуси Добрушский район входил в область тыла группы армий «Центр». Непосредственно после того, как немцы заняли Добруш, было введено военное управление. Вся власть принадлежала командованию 221-й охранной дивизии. Для поддержания порядка были созданы органы местной администрации – городская управа, бургомистром которой являлся Гаврилов; районная управа и 10 волостных управ. Начальником Добрушского района был В. Желдаков.

С первых дней оккупации новая власть установила строгий режим жизни в городе и сельской местности. Все население в возрасте от 16 лет должно было иметь свидетельство личности установленного образца за подписями и печатью управы и немецкой комендатуры. Без такого свидетельства все задержанные на дороге, в лесу, на поле считались партизанами и расстреливались на месте [1, л. 137].

В Добруше действовал строгий паспортный режим, согласно которому проводились проверки прописки граждан, велся строгий учет лиц, которые прибывали на место жительства, ограничивалось время нахождения на улице, выезд и въезд в город. В соответствии с комендантским часом появление гражданского населения на улицах запрещалось под страхом расстрела с 7 часов вечера до 5 часов утра – в городе и с 7 до 4 – в сельской местности [2, л. 160]. В это время нельзя было даже посещать соседей: каждый житель должен был находиться у себя дома. При нарушении установленного режима граждане задерживались полицейскими и направлялись в Гомельскую комендатуру для принятия соответствующих мер [3, л. 50].

Одним из первых шагов оккупационных властей по установлению контроля над населением являлась обязательная регистрация всех жителей старше 16 лет. Об этом они уведомлялись специальными извещениями, где определялось время и место регистрации, а также оговаривались размеры штрафа и другие санкции для нарушителей. Несмотря на неоднократные распоряжения немецких органов управления об обязательной регистрации всего населения, довольно часто наблюдались случаи, когда отдельные граждане жили в населенных пунктах без регистрации и соответствующих документов, самовольно переезжали из одной местности в другую. Свидетельством тому является приказ Добрушской городской управы от 11 июня 1942 г., в котором отмечалось, что «некоторые граждане до сих пор не зарегистрированы в паспортном отделе, а также наблюдаются случаи, когда отдельные граждане переезжают на другое место жительства, не ставя в известность об этом паспортный отдел». Этот приказ обязывал незарегистрированных граждан срочно зарегистрироваться, а домовладельцев – в течение одного дня сообщить в паспортный отдел о всех прибывших или выбывших в другую местность жильцах. За нарушение данного распоряжения предусматривался штраф от 100 до 300 рублей [Там же, л. 41].

Уклонение от регистрации рассматривалось как желание избежать обязательной трудовой повинности, которая вводилась по распоряжению

рейхсминистра оккупированных восточных областей А. Розенберга от 5 августа 1941 г. для местного населения в возрасте от 18 до 45 лет, в том числе женщин. В распоряжении подчеркивалось, что рейхскомиссары «могут для определенных групп населения расширить или ограничить обязанности к труду» [5]. На практике, как свидетельствует распоряжение Добрушской городской управы, возрастные рамки трудовой повинности корректировались и расширялись от 16 до 60 лет, за исключением домохозяек и матерей, имеющих грудных детей. Все граждане в возрасте от 16 до 60 лет должны были ежедневно к 7 часам утра являться в отдел кадров для отправления на работу [3, л. 27]. Согласно архивным данным на 01.06.1942 г. в Добруше насчитывалось 5 250 трудоспособных мужчин и женщин в возрасте от 16 до 60 лет, в сельской местности 10 820 человек, что составляло 51,3 % и 60 % от общего количества местного населения [4, л. 21].

Невозможно не согласиться с мнением известного белорусского исследователя А. М. Литвина о том, что «поставленное в зависимость от голода (только работающие получали продовольственные карточки) и угроз население вынуждено работать на предприятиях, которые имели, главным образом, военное значение, в строительстве, ремонте и расчистке шоссейных и железнодорожных путей, аэродромов, добыче торфа, вырубке и вывозе леса, при проведении сельскохозяйственных работ и т.д.» [6, с. 87].

Стремясь максимально использовать экономические возможности захваченной территории, немецкие власти с первых дней оккупации Добрушского района предприняли меры по возобновлению деятельности промышленных предприятий. Активно эксплуатировались торфяные ресурсы района: был пущен торфозавод, на котором работали военнопленные, а также местные рабочие (Добрушского, Светиловичского и Ветковского районов). Торф добывали машинной выработкой, отправляли на станцию по построенной узкоколейке, грузили в вагоны и увозили в направлении Гомеля. Нормы выработки были невыносимо высоки. Оплата за норму составляла 10 рублей [7, с. 253]. Значительное место в реализации нацистской экономической политики отводилось производству строительных материалов. В период оккупации немцам удалось возобновить работу Добрушского кирпичного завода.

На бывшей бумажной фабрике «Герой труда» было налажено производство мыла и гвоздей. Работал лесопильный завод, где была установлена динамо-машина для выработки и подачи света в учреждения оккупантов. Кроме того, возобновили работу кожевенный, мыловаренный заводы, хлебопекарня, маслозавод, контора по заготовке скота, сена, заготовительно-сбытовая контора [3, л. 12; 7, с. 253].

Оккупационные власти, используя местное население в качестве рабочей силы, сталкивались со следующими проблемами. Так, в приказе Добрушской городской управы от 13.03.1942 г. говорится о том, что «несмотря на неоднократные предупреждения трудоспособных граждан г. Добруша об обязательной ежедневной явке к 7 час. 30 мин. утра к городскому управлению для назначения на работу, однако до настоящего

времени исключительное большинство жителей проявляют полнейший саботаж» [3, л. 10]. Для более полной картины приведем сведения из приказа по Добрушскому кирпичному заводу от 27.04.1942 г.: «Имеются случаи совершения прогулов и самовольных отлучек с рабочего места неизвестно куда» [8, л. 172]. Тех, кто пытался избежать выполнения трудовой обязанности, не являлся на работу, ожидало наказание: штрафы, лишение продуктовых карточек. Нацистское руководство неукоснительно придерживалось провозглашенного хозяйственным штабом «Ост» лозунга «Хлеб только за работу». Согласно этой доктрине обеспечивать продовольствием предполагалось только тех, кто работает на германскую империю. Это совершенно точно констатировалось в приказе Добрушской городской управы от 07.05.1942 г.: «Выдавать хлеб только тем трудоспособным гражданам, кто действительно будет занят на работах. Не занятым на работе установленную норму хлеба не выдавать». А согласно распоряжению того же учреждения от 17.05.1942 г. рабочие, не явившиеся на работу первый раз, лишались хлебного пайка вместе с иждивенцами сроком на 5 дней, за вторичную неявку – на целый месяц [3, л. 27, 29]. Вот еще пример применения штрафных санкций. Только в октябре 1941 г. было оштрафовано 12 человек по Добрушу (по 30 руб./чел.) за невыход на работу по ремонту дорог [1, л. 38].

Трудности продовольственного обеспечения заставили оккупационные власти ввести карточную систему для граждан, привлеченных на работу на промышленные и другие предприятия, а также разовые работы. Карточная система обеспечения продуктами питания была важным инструментом по привлечению населения к работе и контролю за ее качеством. Нормы продуктов питания устанавливались немецкими властными структурами. Так, дневная норма хлеба на одного рабочего и служащего составляла 300 г. По более низким нормам обеспечивались иждивенцы (до 14 лет) – 200 г [3, л. 16]. Как видим, карточки выдавались только на хлеб. Этого не хватало, чтобы выжить, не говоря про то, что необходимо было непосильно трудиться. Несмотря на то, что работа оплачивалась также деньгами, их было недостаточно, чтобы приобрести дополнительные продукты питания. Так, заработная плата рабочих Добрушского кирпичного завода составляла 300–420 руб. в месяц. Управляющий заводом получал 800 руб. в месяц по состоянию на 01.01.1942 г. и 1 200 руб. соответственно на 01.01.1943 г. [9, л. 1; 10, л. 6]. В то же время только 1 пуд муки стоил на черном рынке 1 400 руб. [7, с. 253]. Очевидно, что соотношение цен на продукты питания и заработной платы было не в пользу последней.

Чтобы выжить и достать продукты питания, горожане продавали все, что можно было продать. Они вынуждены были отправляться в близлежащие деревни и там обменивать вещи на хлеб. Самыми ходовыми платежными средствами являлись табак, мыло и соль. Обменять на продукты питания можно было также ткани, одежду, обувь. Ежедневные мысли о куске хлеба озлобляли горожан и вызывали нежелание работать.

На территории оккупированной Добрущины была создана «система поборов» с местного населения. Так, согласно архивным данным за разре-

шение на право ловли рыбы удочкой нужно было заплатить 10 руб., сетями – 50 руб. Граждане, не имеющие такого разрешения, подвергались штрафу в размере 100 руб. Владельцы собак должны были в трехдневный срок зарегистрировать их и получить разрешение стоимостью 20 руб. на право их содержания. Сбор за разрешение на право торговли и промыслов составлял 22,50 руб. [1, л. 28, 31, 35].

Взимался также разовый сбор с торговли: с воза – 5 руб., с одной головы крупного рогатого скота – 10 руб.; с мелкого рогатого скота – 5 руб. Все граждане, которые владели велосипедами, должны были уплатить 8 руб. Регистрация брака оплачивалась в размере 25 руб., новорожденных – 10 руб., смерти – 5 руб., разводов – 5 руб. [3, л. 94].

Была восстановлена система налогообложения. Одним из обязательных налогов являлся подоходный налог, введенный еще в октябре 1941 г., в размере 10 % от дохода. От уплаты освобождались жители Добруша, доходы которых не превышали 150 руб. в месяц, а с 1 июля 1943 г. – 200 руб. [11]. С населения в возрасте от 13 до 65 лет взимался подушный налог в размере 100 руб. в год. От уплаты названного налога освобождались лица, имеющие заработок менее 200 руб. в месяц, а также учащиеся, лица физически нетрудоспособные, или нуждающиеся в опеке, полицейские. Лица, уклоняющиеся от уплаты подушного налога, наказывались повышением такового на 10 % [12, с. 236]. Кроме того, крестьяне, которые вели хозяйство на земле, обязаны были платить сельхозналог в размере 40–50 руб. с каждого крестьянского двора. При установлении размеров данного налога обращалось внимание на личные обстоятельства плательщика: количество работающих членов семьи, количество детей, скота. Маломощные хозяйства и погорельцы не подлежали обложению этим налогом. Лица, которые не облагались сельхозналогом, платили в год за 1 корову – 6 руб., козу – 2,50 руб., лошадь – 29 руб. [1, л. 94].

Владельцы земельных участков в городской черте обязаны были выплачивать земельную ренту в размере 20 коп. с застроенных участков, а с незастроенных – 5 коп. за 1 м² [12, с. 235].

Обязательным являлся налог со строений, который должны были платить все лица, обладающие в городе строением по праву владения, либо по праву собственности. Налог со строений взимался в размере 1,1 % от его стоимости. Постройки сельскохозяйственного назначения, к которым относились и дома крестьян, а также здания общественного назначения, этим налогом не облагались [Там же, с. 235].

Выполняя распоряжение полевой комендатуры № 551 от 13.01.1942 г., местные органы ввели налог на собак: за первую – 200 руб., вторую и каждую следующую – 300 руб. в год, налог на сторожевых собак снижался наполовину. Владельцы собак, которые не уплатили налог, должны были убить их, а шкуру сдать на кожевенный склад [Там же, с. 236].

Жители Добруша и сельской местности стремились по самым различным причинам уклониться от уплаты многочисленных налогов и сборов. В архивных материалах много таких фактов. Например, в список граждан

Добруша, не заплативших своевременно налог со строений и земельную ренту (а это 31 327 руб. за 1942 г.), включено более 100 человек, а в список по неуплаченному налогу на собак – 64 человека (2 804 руб.) [12, с. 237].

Важной задачей, которая стояла перед командованием и хозяйственными структурами, являлось продовольственное обеспечение немецкой армии и оккупационной администрации, гражданского населения нацистской Германии за счет оккупированных областей. Реализация поставленных задач осуществлялась путем принудительных реквизиций, а также натуральных налогов. Главное внимание при этом обращалось на поставки мяса, сала, молока, зерновых и технических культур.

О степени эксплуатации белорусской деревни свидетельствуют твердые нормы сдачи зерна, мяса, молока, жиров и т.п. Так, согласно архивным данным жители д. Веселовка Поповской волости должны были с 12.01.1942 по 12.03.1942 г. сдать 96 голов крупного и мелкого рогатого скота в счет выполнения плана мясоставок за первый квартал 1942 г. Всего же Поповской волости надо было сдать 1 121 корову за 1942 г. [13, л. 133–135, 171].

В то же время категорически запрещался убой скота гражданами для личных нужд. На это указывают архивные документы, в одном из которых говорилось: «Имеются случаи убоя продуктивного скота (коров) и молодняка. Данное явление окончательно запретить!!! К нарушителям применять административные меры в виде штрафа» [14, л. 6]. Свидетельством тому является приказ Переростовской волостной управы от 26.10.1942 г.: «За умышленный убой скота и скрытую продажу, дабы избежать мясоставок Шкарубо П. и Шкарубо У. подвергнуть штрафу в размере 500 руб.» [15, л. 6].

С каждого хозяйства бралось 80 яиц в год. Нормы обязательных поставок молока колебались в границах 100–350 л при средней жирности 3,0 %. Тех граждан, которые сдавали молоко более низкой жирности, ждали санкции вплоть до конфискации коров. Для иллюстрации приведем выдержку из приказа Добрушской городской управы от 26.05.1942 г. «При проверке сдаваемого молока на маслозавод граждане г. Добруша Агеев З., Чабурко П., Шараев Е., Чернопяткин З., Кудрявцев А., Алексина А., Юдицкий Н., Прищепов И., Винников Г. умышленно добавляли воду в молоко, от чего жирность молока составила 0,4–1,2 %, в то время, когда средний процент жирности должен быть 3 %... Начальнику городской полиции гр-ну Клименкову изъять у перечисленных лиц коров, которых доставить в столовую» [3, л. 35].

Введенные оккупантами денежные и натуральные налоги взыскивались в полном объеме. Однако для многих городских и сельских жителей выполнение твердых норм сдачи сельскохозяйственной продукции и других налогов являлось непосильным, поэтому жители обращались к местным властям с просьбами освободить их от уплаты тех или иных налогов. Архивные материалы содержат множество таких заявлений. Для иллюстрирования приведем заявление жителя Добруша Г. Абезного, направленное в городскую управу: «Прошу снять с меня продналог на молоко, т.к. семья у меня состоит из 9 душ: семеро детей, из них пятеро малолетних. И к тому корова дает мало молока» [16, л. 11]. Такие заявления тщательно проверялись.

В отдельных случаях, включая выше названный, решение принималось в пользу заявителя. Более 50 жителей Добруша были освобождены от уплаты подушного налога за 1942 г. по таким причинам, как болезнь, статус беженца, погорельца или по бедности [12, с. 238].

Архивные материалы содержат много сведений по наложению штрафов. Жители Добрушского района подвергались штрафам по различным причинам. Так, только в январе 1942 г. за несдачу молока оштрафовано 4 человека на 50 руб. каждый, за сдачу недоброкачественного молока – 2 чел. на 100 руб., за хищение леса – 2 чел на 250 руб., за ночное хождение без пропуска – 3 чел. на 25 руб., в феврале за невыезд на работу – 25 коневладельцев на 100 руб., в марте за лесонарушение – 25 чел. на сумму 3 071 руб., а в мае за такое же нарушение – 12 чел. на сумму 4 972,75 руб. [17, л. 43, 47, 88, 140].

Таким образом, даже краткий фрагментарный анализ некоторых аспектов жизни населения на примере Добрушского района дает возможность осознать сущность истории повседневности, выживания людей в экстремальной ситуации военного времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив гомельской области (ГАГО). – Ф. 1318. Оп. 1. Д. 1.
2. ГАГО. – Ф. 1316. Оп. 1. Д. 3.
3. ГАГО. – Ф. 1318. Оп. 1. Д. 2.
4. ГАГО. – Ф. 1318. Оп. 1. Д. 5.
5. *Новікаў, С.* Колькасныя маштабы прыцягнення беларускага насельніцтва нямецкай ваеннай адміністрацыяй да прымусовай працы на тэрыторыі Беларусі (1941–1944 гг.) / С. Новікаў // Разняволеная памяць. Прымусовая праца беларускіх грамадзян на акупаванай тэрыторыі Беларусі (1941–1944 гг.) : зб. навук. арт. – Мінск, 2010. – С. 83–134.
6. *Літвін, А.* Прымусовая праца беларускіх грамадзян у святле навуковых фактаў і асабістых успамінаў сведак / А. Літвін // Разняволеная памяць. Прымусовая праца беларускіх грамадзян на акупаванай тэрыторыі Беларусі (1941–1944 гг.) : зб. навук. арт. – Мінск, 2010. – С. 47–80.
7. *Памяць: Добрушскі раён. Гіст. дак. хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі* : у 2 кн. – Мінск : Мастац. літ., 1999. – Кн. 1. – 358 с.
8. ГАГО. – Ф. 1321. Оп. 1. Д. 267.
9. ГАГО. – Ф. 1321. Оп. 1. Д. 2.
10. ГАГО. – Ф. 1321. Оп. 1. Д. 240.
11. *Новый путь*. – 1943. – 18 сент.
12. *Скрябина, Л. С.* К вопросу о налогообложении на оккупированной территории Гомельщины в годы Великой Отечественной войны (1941–1944) / Л. С. Скрябина // Беларусь і Германія : гісторыя і сучаснасць : матэрыялы Міжнар. навук. канф. : у 2 т. – Мінск, 2013. – Вып. 11, т. 1. – С. 233–238.
13. ГАГО. – Ф. 1323. Оп. 1. Д. 1.
14. ГАГО. – Ф. 1316. Оп. 1. Д. 1.
15. ГАГО. – Ф. 1319. Оп. 1. Д. 23.
16. ГАГО. – Ф. 1319. Оп. 1. Д. 8.
17. ГАГО. – Ф. 1319. Оп. 1. Д. 7.